

Научная статья

УДК 94(393)

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.1.11>

ЛИБАНИЙ, ΒΟΥΛΕΥΤΑΙ И ΠΟΛΙΤΕΥΟΜΕΝΟΙ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ ПОЗДНЕАНТИЧНОГО ГОРОДА

Маргарита Леонидовна Радченко

Белгородский юридический институт МВД РФ имени И.Д. Путилина (д. 71, ул. Горького, Белгород, 308024, Российская Федерация)
Кандидат исторических наук, преподаватель
mira.1991@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0009-7535-7438>

Аннотация. Введение. С IV в. начинается процесс византизации позднеантичных городов Восточного Средиземноморья, продолжавшийся до конца VI в. В центре внимания социальных изменений находится положение куриалов. Куриалы по-гречески могут быть переданы двумя терминами – βουλευταί и πολιτεύομενοι. Большинство ученых ныне отождествляет эти два термина после некоторого периода поиска различий между ними в историографии. Вопрос о состоянии антиохийской курии в эпоху Либания (2-я половина IV в.) и о взаимоотношениях ратора с куриалами дает возможности широкого исследовательского поиска. **Материалы и методы.** Основным источником выступает наследие антиохийского ратора второй половины IV в. Либания. Также используются некоторые другие синхронные источники. Методами исследования выступают метод контент анализа (как анализ содержания источников), сравнительно-исторический и общенаучный метод анализа и синтеза. **Анализ.** Эпоха Либания и кейс Антиохии представляют особый интерес, так как Либаний – один из наиболее плодотворных авторов своей эпохи, от которого сохранилось колоссальное письменное наследие; Антиохия – один из трех крупнейших городов империи, «метрополия Востока»; наконец, рассматриваемая эпоха имеет решающее значение в плане византизации позднеантичного города в Восточном Средиземноморье, когда традиционный муниципальный строй приходит в упадок, горожане-куриалы теперь не столько стремятся к должностям в городской общине, сколько тяготеют к повинностям, а в город проникает новая внешняя власть, связанная с государством и административной системой. В письмах и речах этого ратора выделено 133 куриала, из которых 57 были связаны только с Антиохией, а прочие – с другими горо-

дами. Однако интерес Либания к муниципальной жизни, а также масштабы его деятельности, исключительны даже для его времени и не имеют аналогов в последующие века. Переписка Либания позволяет нам узнать в целом о 196 учениках этого ратора, студентах его школы в Антиохии. Помимо обучения, известны 22 куриала, которые обращаются к Либанию с просьбой о рекомендательном письме с целью получения иммунитета от муниципальных обязанностей. Это отражает состояние дел в курии Антиохии. **Результаты.** Жизнь и сочинения Либания позволяют уточнить положение куриалов в Антиохии и на всем Востоке империи в заключительный, кризисный, но еще живой период их существования. Круг корреспондентов Либания из куриалов связан с двумя основными темами – это учебный процесс в его школе и проблема освобождения куриалов от их обременительных обязанностей в городе в пользу административной карьеры в империи. Либаний в целом считает куриалов основой традиционной полисной жизни, но прекрасно видит их кризисное состояние и усиление административного сегмента жизни общества и в целом усиление этатизма.

Ключевые слова: Либаний, поздняя античность, город, византизация, куриалы, Антиохия, ритор

Для цитирования: Радченко М. Л. Либаний, βουλευταί и πολιτεύομενοι в социальной сети позднеантичного города // Гуманитарные и юридические исследования. 2026. Т. 13. № 1. С. 90–97. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.1.11>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 12.11.2025

Статья одобрена после рецензирования: 03.02.2026

Статья принята к публикации: 18.02.2026

Research article

LIBANIUS, ΒΟΥΛΕΥΤΑΙ AND ΠΟΛΙΤΕΥΟΜΕΝΟΙ IN THE SOCIAL NETWORK OF A LATE ANTIQUE CITY

Margarita L. Radchenko

Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I.D. Putilin (71, Gorky St., Belgorod, 308024, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), lecturer
mira.1991@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0009-7535-7438>

Abstract. Introduction. The process of Byzantinization of the late antique cities of the Eastern Mediterranean begins in the 4th century and lasts until the end of the 6th century. The focus of social changes is on the position of the curials. In Greek, curials can be rendered by two terms – βουλευταί and πολιτεύομενοι. Most scholars now identify these two terms after some period of searching for differences between them in historiography. The question of the state of the Antiochene curia in the era of Libanius (the second half of the 4th century) and the relationship of the rhetorician with the curials provides opportunities for a wide research search. **Materials and methods.** The main source is the legacy of the Antiochene rhetorician of the second half of the 4th century Libanius. Some other synchro-

nous sources are also used. The research methods are the method of content analysis (as an analysis of the content of sources), comparative historical and general scientific methods of analysis and synthesis. **Analysis.** The era of Libanius and the case of Antioch are of particular interest, since Libanius is one of the most prolific authors of his era, from whom a colossal written legacy has been preserved. Antioch is one of the three largest cities of the empire, the metropolis of the East; finally, the era under consideration is of decisive importance in terms of the Byzantinization of the late antique city in the Eastern Mediterranean, when the traditional municipal system is in decline. The curial citizens are no longer so much striving for positions in the city community as they are burdened by duties, and a new ex-

ternal nobility, connected with the state and the administrative system, penetrates the city. In the letters and speeches of this rhetorician, 133 curials are distinguished, of which 57 were connected only with Antioch, and the rest – with other cities. However, Libanius' interest in municipal life, as well as the scale of his activity, are exceptional even for his time and have no analogues in the following centuries. The correspondence of Libanius allows us to learn about 196 students of this rhetorician, students of his school in Antioch. In addition to their studies, 22 curials are known to have turned to Libanius for a letter of recommendation in order to obtain immunity from municipal duties. This reflects the state of affairs in the curia of Antioch. **Results.** The life and writings of Libanius allow us to clarify the position of the curials in Antioch and throughout the East of the empire in the final, critical, but still living period of their existence. The circle of Libanius' correspondents from the curials is associated with two main topics - this is the educational process in his

school and the problem of freeing the curials from their onerous duties in the city in favor of an administrative career in the empire. Libanius generally considers the curials to be the basis of traditional city-state life, but clearly sees their crisis state and the strengthening of the administrative segment of society and, in general, the strengthening of statism.

Keywords: Libanius, late antiquity, city, Byzantinization, curials, Antioch, rhetor

For citation: Radchenko ML. Libanius, *βουλευταί* and *πολιτευόμενοι* in the social network of a late antique city. Humanities and law research. 2026;13(1):90-97. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.1.11>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 12.11.2025

The article was approved after reviewing: 03.02.2026

The article was accepted for publication: 18.02.2026

Введение. С IV в. начинается процесс византинизации [1, с. 196-216] позднеантичных городов Восточного Средиземноморья, продолжавшийся до конца VI в. Ключевой вопрос – можно ли назвать изменения в городах упадком, переходом, трансформацией или развитием – выдвинул историю города в центр более масштабных споров об упадке, падении или трансформации империи [8, р. 125]. Главные спорные вопросы – это скорость и сроки византизации позднеантичных городов и трансформации жизни населения.

В центре внимания социальных изменений находится положение куриалов. Этот термин общепринят в отечественной науке, хотя является латинским. Более удобные и стандартизированные латинские термины во многих случаях полезны для позднеантичного времени (например, в области образовательной лексики). Однако, в данном случае греческие оригиналы позволяют извлечь дополнительные смысловые оттенки.

Куриалы по-гречески могут быть переданы двумя терминами – *βουλευταί* и *πολιτευόμενοι*. Первое (булевтай) означает «члены городского Совета» (булэ), то есть, это выборные из граждан городской общины члены «правительства», народного представительства. Второе (политевоменой) означает всё политическое гражданство городской общины, обладающее правами и обязанностями.

В науке более столетия существует вопрос о тождестве или различии этих понятий, которые вместе создают некоторую дополнительную сложность. В XX в. синонимия этих двух терминов была принята большинством учёных, в частности Полем Пети, который основывал свою работу на изучении трудов Либания [21, р. 30-32].

Сведения о политевоменах поступают в основном из Египта, где они засвидетельствованы с IV в. (если не со второй половины III в.) вплоть до начала VIII в. В результате большинство современных учёных, комментирующих эту терминологическую проблему, являются папирологами. В муниципальных куриях ранневизантийского Египта нет ни одного человека с определением политевоменой, который бы не был

булевтаем [11, р. 131-132]. Высказывались и иные мнения (политевоменой – более новый термин, булевтай – более традиционный; политевоменой – «гражданская» ипостась гражданина в отличие от военной; и т.п.).

В конце XX в. было высказано мнение о том, что политевоменой и булевтай не тождественны, по крайней мере, в Египте [7, р.231-247]. Кроме того, булевтай были отождествлены с декурионами, представителями городского сената, а политевоменой с куриалами.

А. Ланиадо, всесторонне рассмотрев вопрос, приходит к выводу о том, что политевоменой упоминаются в источниках Египте до начала VIII в., а булевтай исчезают уже в VI в. Это свидетельствует о том, что упадок муниципальных курий был гораздо более постепенным, чем считалось ранее [11, р. 141]. Большинство ученых ныне вновь отождествляет эти два термина.

Материалы и методы. Основным источником выступает наследие антиохийского ритора 2-й половины IV в. Либания, преимущественно его письма, и в меньшей мере речи (*oratio*). Также используются некоторые другие синхронные источники – светские и церковные истории, а также нормативные источники, получившие оформление в византийском законодательстве Юстиниана VI в.

Методами исследования выступают метод контент анализа (как анализ содержания источников), сравнительно-исторический и общенаучный метод анализа и синтеза.

Анализ. Определяющие признаки античного полиса: управление (преобладание местной элиты имущих семей, ведущих граждан, которые заседали в городских советах); тесная связь между застроенным городским центром и окружающей сельской местностью, объединенной куриальным классом, который использовал богатства на благо города; и материальный облик города: театр, бани, общественные фонтаны, храмы, вымощенные улицы, расположенные по сетчатому плану, все это чаще всего оплачивалось гражданами (куриалами), чья щедрость прославлялась в надписях.

Помимо четко определяемых элементов эволюции материальной культуры, несомненной

эволюции подверглись и черты муниципальной организации. Едва ли не важнейшим признаком этой организации в позднеантичное время (как и ранее) был городской совет (булэ, курия), тогда как деятельность народных собраний прекратилась намного раньше. При этом не всегда речь может идти о едином городском совете, булевтаи могли создавать несколько «фракций». Но в любом случае это были ведущие члены городской общины, владевшие в нем землей и отвечавшие за сбор налогов.

Во времена ранней империи городской совет был совещательным и представительным органом города, аналогом римского сената, а также официальной статусной группой, члены которой, обычно называемые булевтаями, разделяли набор привилегий и обязанностей.

Еще в IV в. при основании новых городов императорами в них тоже создавались муниципальные советы. Однако, со временем они изменяли свой традиционный античный характер. В городе к этому времени активно формировалась «новая знать» [9, р. 735-740] из внешних по отношению к городу отставников государственной службы, новых землевладельцев, епископов, настоятелей монастырей. Поэтому ряд специалистов (А. Ланиадо и др.) ставят вопрос о «посткуриальной» стадии эволюции города в поздней античности [8, р. 125-162].

В историографии существует определенное согласие в том, что новая знать – крупные землевладельцы – взяли на себя многие административные функции, ранее выполнявшиеся куриалами [24, р. 3-29]. Однако существуют различные мнения относительно того, вмешалось ли имперское правительство, чтобы создать эту структуру для собственного управления и обязывало землевладельцев выполнять эти задачи, или же землевладельцы организовались добровольно [6, р. 1-90].

Вопрос о состоянии антиохийской курии в эпоху Либания (2-я половина IV в.) и о взаимоотношениях ритор с куриалами (πολίτευοι) уже становился предметом рассмотрения в историографии [14, р. 176-192; 18]. Однако, в меньшей степени изучен вопрос о куриалах, вступавших в переписку с Либанием, студентах-куриалах антиохийского ритора, родителях студентов-куриалов, и т.д. Иными словами, ныне можно поставить вопрос о социальной сети куриалов с Либанием в центре.

Эпоха Либания и кейс Антиохии представляют для решения данного вопроса особый интерес, так как Либаний – один из наиболее плодотворных авторов своей эпохи, от которого сохранилось колоссальное письменное наследство [ср. 16, р. 80-85]; Антиохия – один из трех крупнейших городов империи, «метрополия Востока»; наконец, рассматриваемая эпоха имеет решающее значение в плане византинизации позднеантичного города в Восточном Средизем-

номорье, когда традиционный муниципальный строй приходит в упадок, горожане-куриалы теперь не столько стремятся к должностям в городской общине, сколько тяготеют повинностями, а в город проникает новая внешняя знать, связанная с государством и административной системой [2, с. 163-175].

Прежде всего Либанию современная наука обязана образом куриала, угнетаемого провинциальными и имперскими властями, и даже новой городской знатью [21, р. 353-355]¹.

С момента завоевания Восточного Средиземноморья римляне правили посредством городских советов, состоявших из местной землевладельческой элиты. Эти советники стали ответственными за сбор налогов (критически важных для имперского управления) и общее содержание города. Эта задача стала предметом гордости, поскольку семьи куриалов соревновались как в своём городе, так и с соседними, возводя самые грандиозные театры, бани, храмы и монументальные арки, увековечивая свои достижения надписями. После потрясений III века стремительный рост инфляции привел к обесценению доходов от их пожертвований. В свою очередь, города, зависевшие от финансовой поддержки куриалов, утратили экономическую автономию и начали обращаться к центральному правительству за дополнительными средствами, которое в ответ конфисковывало городские земли и налоги для покрытия местных расходов. Престиж куриалов быстро падал, а их обязанности перед империей и городом оставались неизменными, и они стали искать способы освободиться от своих обязанностей.

В IV в. куриалы, по всей видимости, испытывали крайнее финансовое давление, о чём убедительно свидетельствуют сочинения Либания. В Речи 48 он отмечает, что к 380-м годам численность курии в Антиохии сократилась с 600 до 60 членов, и, несмотря на его личные взгляды на значение курии, описание им эгоизма и некомпетентности местной элиты позволяет понять, почему имперское правительство стремилось усилить свой контроль, осуществляя прямое управление через наместников провинций (*Lib., Or. 48, 4*). В IV веке, по всей видимости, городские советы обладали уже незначительной властью.

Несмотря на свою собственную роль в уменьшении роли курии, центральное правительство по-прежнему поддерживало куриальное управление провинциальными городами, о чём свидетельствует масса принятых законов, направленных на то, чтобы обязать куриалов выполнять их традиционные обязанности. XII книга Кодекса Феодосия содержит 192 конституции, принятые в соответствии с законом о декурионах (*de decurionibus*), которые пытались удержать

¹ Для VI в. см.: Cassiod. *Variae* IX, 2 (527 г.).

куриалов на их месте и остановить их продвижение к административным должностям в столице.

Истоки вопроса об отношении Либания к куриалам лежат в происхождении самого ритора. Нередко утверждается, хотя и без точных оснований, что Либаний сам происходил из куриальной семьи, хотя и был освобожден от куриальных обязанностей из-за своей профессии.

Его личная история порой приводится в пример того, что во 2-й половине IV в. самый знаменитый ритор «метрополии Востока» не хотел заключать законный брак именно по причине реального положения куриалов.

Либаний постоянно жил со служанкой, женщиной низкого происхождения, но никогда не упоминал спутницу всей своей жизни в своих сочинениях, пока она была жива (*Ep.* 959.2 и 1063.5; *Or.* 1.278).

От этой служанки он имел сына Кимона (иногда называемого Арабием), и возлагал большие надежды на его карьеру. Хотя в источниках лишь упоминается факт неравного союза, без комментария мотивов Либания и не ставя под сомнение целесообразность его решения, в литературе часто утверждается, что он заключил этот неравный союз, прежде всего, чтобы избежать рождения законных сыновей, которые будут обременены куриальными обязанностями.

С другой стороны, не менее часто говорится о том, что, несмотря на факт отсутствия законного брака, Либаний отчаянно пытался освободить сына от куриального статуса, чтобы он мог избежать финансового бремени. Значит, сын все же имел этот статус.

В итоге надежды Кимона получить официальную должность не оправдались, так как он умер молодым.

В дополнение, Либаний подразумевает в Речи 48.30, что для города было бы нежелательно, чтобы рабыни приносили детей курии, пополняя тем самым это сословие (*Lib.*, *Or.* 48.30).

В целом, начиная с IV века, все источники и вся документация, относящаяся к куриалам, становится беднее, чем ранее. Это снижение заметно во всех категориях соответствующей документации [11, р. 130 – 131]. Что касается литературных источников, то значительная часть информации по IV веку получена именно из сочинений Либания.

В письмах и речах этого ритора Поль Пети выделил 133 куриала, из которых 57 были связаны только с Антиохией [21, р. 397 – 403], а прочие – с другими городами. Однако интерес Либания к муниципальной жизни, а также масштабы его деятельности, исключительны даже для его времени и не имеют аналогов в последующие века.

Переписка Либания позволяет нам узнать в целом о 196 учениках этого ритора, студентах его школы в Антиохии.

Из 105 учеников, социальное происхождение которых известно, 50 (47,6%) происходят из

семей куриалов (τολιτευόμενοι), 38 (36%) – из семей государственных служащих, 17 (16,2%) из семей, практикующих свободные профессии.

Из 104 студентов, чья дальнейшая карьера известна, 41 (39,4%) – государственные служащие, 22 (21,1%) – учителя, 10 (9,6%) – преподаватели высших школ, 31 (29,8%) люди свободных профессий.

Поль Пети, безусловно, был прав, отметив, что «риторическая культура позволяет куриалам выбирать профессии, избавляясь от своего первоначального статуса» [22, р. 174]. Чтобы убедиться в этом, достаточно рассмотреть данные, касающиеся сокурсников самого Либания. Среди 30 его сокурсников по обучению в Афинах, чья карьера известна, 13 (43,3%) государственных служащих, 8 (26,6%) учителей, 2 (6,6%) профессора и 7 (23%) – люди свободных профессий.

Помимо обучения, по подсчетам Вольфа Либешютца, известны 22 куриала, которые обращаются к Либанию с просьбой о рекомендательном письме с целью получения иммунитета от муниципальных обязанностей. Это прямо говорит о том, что место и роль Либания в антиохийской гражданской общине были таковы, что он мог оказать содействие в этом деликатном вопросе, ибо государство никак не было расположено терпеть «бегство» (дезертирство) куриалов от своих обязанностей в городе. При этом половине корреспондентов Либания (11 чел.) в итоге удается дезертировать от своих обязанностей. При этом В. Либешютц отмечает, что в городе были покровители, более могущественные, чем Либаний [12, р. 179], которые могли оказать содействие в уходе куриалов от их обязанностей.

Деятельность Либания по содействию куриалам в уходе от куриальных обязанностей нельзя назвать полностью успешной не только потому, что эффективность прямых обращений такого рода к нему составляет 50%. Личная история с его сыном, несмотря на противоречивые сведения источников, убеждает нас в том, что в конечном итоге Либаний не смог в полной мере достичь желаемого. В этом отношении нельзя не провести аналогию с сыном Перикла в классических Афинах – если отец, преодолев огромные трудности, и добился своего, но впрямь эта победа не пошла, и сын не смог в полной мере вкушать плоды этой пирровой победы.

Одной из неудач Либания в его ходатайствах за куриалов была история с выдвижением кандидатуры его секретаря Фалассия в Сенат Константинополя. Последнему грозила опасность быть включенным в Антиохийскую курию его врагами [4, р. 156-158].

Риторическое образование в то время было одним из важнейших социальных лифтов не только на уровне города, но и всей империи. Поэтому оно было прерогативой преимущественно молодых людей из хороших семей, которые хотели иметь доступ к должностям, которые в ко-

нечном итоге также принесли бы пользу и их городам. Это Либаний специально подчеркивал в *Or.* 31, «Учителям», когда он сказал жителям Антиохии, что даже если у них нет сыновей подходящего возраста, или отцов лишь дочерей, образование граждан должно было быть их средством заработка. Молодые люди, которые учились в Антиохии, обычно принадлежали к высшему слою, за исключением сыновей нескольких второстепенных булевтаев и учителей.

Представляя Совету реалистичную картину доходов учителя в 361 г., Либаний опроверг общее мнение о том, что плата от студентов составляет большую часть его доходов и впервые признался, что не все хорошо с его профессией в материальном плане (*Or.* 31.25 и 29–32). Финансовый крах многих семей куриалов (усугубляемый все более снижавшимся престижем риторики) заставил его бесплатно обучать некоторых сыновей наиболее важных родителей [5, р. 59–70].

В нескольких поздних выступлениях он расширил свою практику бесплатного обучения с горечью, которая раньше отсутствовала в тоне его текстов (*Or.* 36.9; 3.6–9; 43.6–7 и 13). В 361 г. Либаний предлагал бесплатное обучение семьям, находившимся в финансовом положении, которое вызвало у них унижение, и за это имел искреннюю благодарность. К 380-м годам, однако, бедные, а также, предположительно, даже и состоятельные, часто пользовались такой благотворительностью Либания. Кажется, что эта практика, которая первоначально была связана исключительно с низким доходом некоторых граждан, привела к общему правилу добровольного предоставления образовательных услуг, что Либаний описал таким образом: «Те, кто желает это сделать, платят; те, кто отказываются, не делают этого»¹.

Куриал – это прежде всего гражданин. Под «гражданином» в Поздней империи понимается большинство жителей Империи, поскольку Каракалла упразднил право местного гражданства, и Либаний в своих хвалебных речах иногда различает полноправных граждан, жителей, не являющихся гражданами, и иностранцев. Куриал исторически – это элитный гражданин, он оплачивает расходы города (подобно древним литургиям), и поэтому в нём живёт древнегреческая концепция преданности человека своей Малой Родине.

При этом возникал вопрос о позднеантичных аналогах древних метеков – чужеземцах, лицах без гражданских прав, которые проживали и зарабатывали в городе. Если для такого человека (иноземца) естественно, справедливо и правильно быть куриалом на своей родине, платя налоги там, что, по-видимому, не причиняет никакого вреда городу его проживания, то не следует ли требовать платы за проживание и предпринима-

тельство с постоянно проживающих и тайно проживающих в городе иноземцев?

Императоры IV в. постоянно пытались подчинить горожан-неграждан куриальным повинностям городов их фактического проживания, но эта проблема не поднимается у Либания: мы не встречаем случаев, когда негражданин регулярно подлежал литургиям.

У Либания чужеземцы – это как правило граждане других городов, лишь проезжающие через Антиохию или приехавшие туда специально для участия в каком-либо празднестве или литургическом мероприятии. Лишь однажды имел место такой случай: в 386 г. сирийский консул Тисамен привёз куриала из Бери (совр. Алеппо), чтобы подарить народу Антиохии одно из тех охотничьих зрелищ, которые он так любил, исполнив литургию в столице Востока. Юридически это было возможно: закон CTh. VIII, 4, 11, который датируется 372 г., гласит, что куриалы Азии могут добиваться азиархии, положения отправителя императорского культа, в одной из четырёх метрополий провинции, выполнив при этом все свои обязательства в своём городе.

Происхождение новой муниципальной знати Поздней империи трудно проследить по источникам. При нынешнем их состоянии, применительно к Востоку, невозможно доказать, что тот или иной куриал или знатный человек Поздней империи происходил из куриальной семьи эпохи принципатата. Скорее всего, никакой исторической преемственности здесь не было. Она действительно редко подтверждается более чем двумя поколениями, и мы на Востоке после IV в. нет примеров, превышающих в целом четыре поколения.

С другой стороны, мы знаем знатных людей куриального происхождения, которые сами по себе уже не являются таковыми, входя при этом в «новую знать», примером чего является сам Либаний и его семья [21, р. 17–18, 326–327]. Помимо этого, в 391 г. Либаний упоминает некоего дина («сильного человека») Евсевия² из рода пальмирского князя Одената (умер в 267 г.) Потомки Зенобии, жены Одената, еще жили при Валенте (Eutrop. Brev. IX, 13, 2)³. В речи, произнесенной в пользу кандидатуры Фалассия в сенат, Либаний перечисляет восемь знатных имперских сановников низкого происхождения (*Lib.*, *Or.* 42, 23–24) [4, р. 156–158; 10, р. 11–12]⁴.

Институциональный термин *πρωτεύων* для обозначения представителя новой знати избегают такие авторы, как Либаний⁵, Дамаский или Прокопий Кесарийский, которые стремятся обойти эту техническую лексику, используя различные варианты или иносказания.

¹ В *Or.* 36.9, Либаний добавляет, что его личный пример заставил других софистов подражать этой практике.

² PLRE I, 306: Eusebius 27;

³ Zenobia autem postea, qui adhuc manent, Romae reliquit.

⁴ PLRE I, 927: Tychamenes.

⁵ Эквиваленты, используемые этим автором, см. в [21, р. 82–83].

В IV в. деятельность *πρωτεύοντες* в муниципальных и провинциальных владениях наиболее известна из имперского законодательства, а для Антиохии – также из работ Либания [21, р. 84-88; 12, р. 172-173]. В V-VI вв. в неюридических источниках об этом говорится крайне редко.

Примеров упоминания протевонув Либанием немного. В 393 г. Либаний обратился к еврейскому патриарху Гамалиилу, влиятельному представителю новой знати провинции, с просьбой пощадить Иларию, правителя Палестины, которому, по-видимому, угрожали последствия выполнения его должностных обязанностей (*Lib. Ep.* 1105) [23, р. 597; 20, р. 127-128]. В 390 г. Либаний написал Речи 42, чтобы поддержать кандидатуру своего секретаря Фалассия в Сенат Константинополя, так как Фалассий активно пытался избежать невыносимого для него бремени своего куриального статуса (*Lib., Or.* 42).

Конституция 362 г. свидетельствует о попытке возложить долги старых куриалов на новых (протевонув). П. Пети отмечает молчание Либания по этому поводу [21, р. 151-152; 12, р. 165].

Конечно, Либаний не был непосредственно знаком с людьми из низших слоев, так как они не учились в его школе, не были родителями его студентов, не ходатайствовали перед ним об освобождении от обременения куриального статуса.

Его социальная сеть – только имперские администраторы, чиновники, новая знать города, куриалы и представители того слоя, что мы сегодня называем свободными профессиями. Среди корреспондентов Либания – также много иноземцев, живших без гражданства в Антиохии, и прежде всего куриалов других городов [15; 19, р. 347-350; 17, р. 38-40].

Отношение Либания к христианству и христианам – отдельная самостоятельная тема [13; 3, р. 63-76], однако его отношения с отдельными христианами лично на основе его переписки, или в отношении христиан вообще, предварительно позволяют определить Либания как «языческого традиционалиста», сдержанно реагирующего на христианство в ключевом городе поздней Восточной Римской империи.

Эллинизм того времени был религиозно «мультикультурным» в том смысле, в каком христианство им не было. Поэтому толерантность Либания требовала контекста или рамок эллинского культурного консенсуса, который он всё ещё мог различить в Антиохии своего времени.

Политическим дополнением к толкованию Либанием религиозной ситуации в Восточной империи была общая государственная политика официальной терпимости к политеизму, что означало отсутствие систематического подавления, несмотря на такие меры, как законодательство Констанция II против жертвоприношений, в течение большей части 50-х годов IV в., фактически до конца правления Феодосия I, и, таким об-

разом, позднее периода, в течение которого были написаны эти письма [3, р. 76].

Как отмечает Э. Бурр, хотя Либаний участвовал в феномене интеллектуального сопротивления христианству как принудительно универсализирующей идеологии среди элиты язычников, он также выражал решительное неприятие римской имперской централизации и политического господства над городской жизнью. Его антипатия к столице, Константинополю, и всему, что она отстаивала, хорошо документирована. По мнению Либания, если бы христианство можно было вместить в религиозно плюралистичный универсум эллинской культуры (пайдеи), то с ним можно было бы ужиться, как и со многими другими религиозными и философскими явлениями, которые отдельный человек мог бы лично не поддерживать. Но если бы христиане, как новые жесткие идеологи римской имперской монархии (имперская монархия была политическим выражением теологического монотеизма), угрожали уничтожить политеизм и узурпировать культурную «миссию» лишенного корней эллинизма, то это было бы равносильно невыносимому для Либания уничтожению эллинизма [3, р. 75].

Результаты. Таким образом, жизнь и сочинения Либания позволяют уточнить положение куриалов в Антиохии и на всем Востоке империи в заключительный, кризисный, но еще деятельный период их существования.

Круг корреспондентов Либания из куриалов связан с двумя основными темами – это учебный процесс в его школе и проблема освобождения куриалов от их обременительных обязанностей в городе в пользу административной карьеры в империи.

Либаний в целом считает куриалов основой традиционной полисной жизни, но прекрасно видит их кризисное состояние и усиление административного сегмента жизни общества и в целом усиление этатизма.

Куриалов греческого Востока позднеантичного времени не следует именовать так, а целесообразнее употреблять аутентичные термины *булевтай* и *политевоменой* в зависимости от контекста, несмотря на удобство и многолетнюю традицию употребления римского термина.

С течением времени, в V – VI вв., новая знать заняла ведущие позиции в городских общинах, административная структура управления почти полностью заменила местных куриалов, а догматы христианства (частная благотворительность и строительство церквей) заменили некоторые традиционные проявления классической культуры (общественные пожертвования и монументальную светскую архитектуру).

Наиболее ярко морально-политическое разложение старой муниципальной аристократии проявляется, по мнению Либания, в ее сервильном отношении к императорской власти и ее представителям. Долг куриалов, говорит он, –

единодушно защищать интересы городской общины (*Lib., Or.* 56, 29), быть умеренными, но твердыми по отношению к императорской власти и ее чиновному аппарату, отстаивая перед ними интересы города (*Ep.* 731). Либаний призывает куриалов действовать, опираясь на старую, но еще достаточно живучую традицию отношения города с императорской властью.

Тем не менее, вскоре после ухода Либания критическая масса нового в трансформирующемся городе перевесила, и многовековая полисная муниципальная жизнь необратимо изменилась. Тенденции к этому были заметны Либанию уже в 364 г., когда он писал: «О, сила курий, уже падающая, которая скоро превратится в призрак» (*Lib., Or.* 17, 27).

Литература

1. Болгов Н. Н. Византинизация позднеантичного города в Восточном Средиземноморье: к постановке проблемы // *Byzantinoturica. Журнал византийских и средиземноморских исследований.* Т. 1. СПб.: Алетей, 2023. С. 196–216.
2. Макаров Д. А. Правовые и идеологические основы византийской государственности // *Ленинградский юридический журнал.* № 3. 2011. С. 163-175.
3. Burr E.G. Libanius of Antioch in relation to Christians and Christianity: the evidence of selected letters. *Topoi. Orient-Occident. Supplément 7*, 2006. Mélanges A.F. Norman. p. 63-76.
4. Dagron J. Constantinople imaginaire. Études sur le recueil des Patria. Paris: Bibliothèque byzantine, 1984. 358 p.
5. Delmaire R. Cités et fiscalité au Bas-empire. À propos du rôle des curiales dans la levée des impost // C. Lepelley (ed.). *La fin de la cité antique et le début de la cité médiévale.* Bari, 1996. p. 59-70.
6. Gasco J. Les grands domaines, la cité et l'Etat en Egypte byzantine. *Travaux et mémoires*, 9. 1985. p. 1-90.
7. Geremek H. Les πολιτεύόμενοι égyptiens sont-ils identiques aux bouleυταί? *Anagennesis* 1. 1981. p.231-247.
8. Haarer F. Developments in the governance of late antique cities // *Governare e riformare l'impero al momento della sua divisione: Oriente, Occidente, Illirico.* Paris; Rome: École française de Rome, 2016. 386 p.
9. Haarer F.K. Urban transition in late antiquity: the decline of the curiales and the rise of the municipal notables. *Journal of Roman Archaeology*, 17. 2004. p. 735-740.
10. Heather P. New Men for New Constantines? Creating an Imperial Elite in the Eastern Mediterranean. *New Constantines: The Rhythm of Imperial Renewal in Byzantium 4th - 13th Centuries.* St. Andrews, 1992. P. 11-33.
11. Laniado A. Βουλευταί et πολιτεύόμενοι. *Chronique d'Egypte.* 72(143). 1997. p. 130-144.
12. Liebeschuetz J.W. Antioch: City and Imperial Administration in the Later Roman Empire. Oxford: Clarendon Press, 1972. XIV+302 p.
13. Misson J. Recherches sur le paganisme de Libanios. Louvain: Bureaux du Recueil, 1914. 160 p.
14. Pack R. Curiales in the Correspondence of Libanius. *Transactions and Proceedings of the American Philological Association.* 82. 1951. p. 176-192.
15. Pack R.A. 'The Medical History' and Mental Health of Libanius. *Transactions and Proceedings of the American Philological Association Vol. 64.* 1933. [148 p.]
16. Pack R.A. Ammianus Marcellinus and the *Curia* of Antioch. *Classical Philology.* 48. 1953. P. 80-85.
17. Pack R.A. An Interpretation of Libanius, Epistle 915. *Classical Weekly.* 45. 1951. P. 38-40.
18. Pack R.A. *Studies in Libanius and Antiochene Society under Theodosius.* Dissertation of the University of Michigan, 1935. 126 p.
19. Pack R.A. Φυσιогνωμικά in Libanius' *Antiochicus*". *The American Journal of Philology.* 56. 1935. p. 347-350.
20. Petit P. Les fonctionnaires dans l'œuvre de Libanius: analyse prosopographique. Préface de André Chastagnol et de Jean Martin / *Annales littéraires de l'Université de Besançon*, 541. Besançon: Université de Franche-Comté, 1994. 286 p.
21. Petit P. Libanius et la vie municipale à Antioche au IVe siècle après J.-C. Paris: Geuthner 1955. 446 p.
22. Petit P. Les étudiants de Libanius. Un professeur de Faculté et ses élèves au Bas Empire. Paris: CNRS, 1957. 206 p.
23. Stern M. Greek and Latin Authors on Jews and Judaism. Vol. 2. From Tacitus to Simplicius. Jérusalem: Israel Academy of Sciences and Humanities, 1980. XVII+690 p.
24. Whittow M. Ruling the Late Roman and Early Byzantine city: a continuous history. *Past and Present.* 129. 1990. p. 3-29.

References

1. Bolgov NN. Byzantinization of a Late Antique City in the Eastern Mediterranean: Towards a Problem Statement in Byzantinoturica. *Journal of Byzantine and Mediterranean Studies.* Vol. 1. St. Petersburg: Aletheia, 2023. p.196 – 216. (in Russ.).
2. Makarov DA. Legal and ideological foundations of the Byzantine statehood. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal.* 2011;3:163-175. (in Russ.).
3. Burr EG. Libanius of Antioch in relation to Christians and Christianity: the evidence of selected letters. *Topoi. Orient-Occident. Supplément 7*, 2006. Mélanges A.F. Norman. p. 63-76.
4. Dagron J. Constantinople imaginaire. Études sur le recueil des Patria. Paris: Bibliothèque byzantine, 1984. 358 p.
5. Delmaire R. Cités et fiscalité au Bas-empire. À propos du rôle des curiales dans la levée des impost in C. Lepelley (ed.). *La fin de la cité antique et le début de la cité médiévale.* Bari, 1996. p. 59-70.
6. Gasco J. Les grands domaines, la cité et l'Etat en Egypte byzantine. *Travaux et mémoires*, 9. 1985. p. 1-90.
7. Geremek H. Les πολιτεύόμενοι égyptiens sont-ils identiques aux bouleυταί? *Anagennesis* 1. 1981. p. 231-247.
8. Haarer F. Developments in the governance of late antique cities in *Governare e riformare l'impero al momento della sua divisione: Oriente, Occidente, Illirico.* Paris; Rome: École française de Rome, 2016. 386 p.
9. Haarer F.K. Urban transition in late antiquity: the decline of the curiales and the rise of the municipal notables. *Journal of Roman Archaeology*, 17. 2004. p. 735-740.
10. Heather P. New Men for New Constantines? Creating an Imperial Elite in the Eastern Mediterranean. *New Constantines: The Rhythm of Imperial Renewal in Byzantium 4th - 13th Centuries.* St. Andrews, 1992. P. 11-33.
11. Laniado A. Βουλευταί et πολιτεύόμενοι. *Chronique d'Egypte.* 72(143). 1997. p. 130-144.

12. Liebeschuetz JW. Antioch: City and Imperial Administration in the Later Roman Empire. Oxford: Clarendon Press, 1972. XIV+302 p.
13. Misson J. Recherches sur le paganisme de Libanios. Louvain: Bureaux du Recueil, 1914. 160 p.
14. Pack R. Curiales in the Correspondence of Libanius. Transactions and Proceedings of the American Philological Association. 82. 1951. p. 176-192.
15. Pack RA. 'The Medical History' and Mental Health of Libanius. Transactions and Proceedings of the American Philological Association Vol. 64. 1933. [148 p.]
16. Pack RA. Ammianus Marcellinus and the *Curia* of Antioch. Classical Philology. 48. 1953. p. 80-85.
17. Pack RA. An Interpretation of Libanius, Epistle 915. Classical Weekly. 45. 1951. p. 38-40.
18. Pack RA. Studies in Libanius and Antiochene Society under Theodosius. Dissertation of the University of Michigan, 1935. 126 p.
19. Pack RA. Φυσιογνωμικά in Libanius' *Antiochicus*". The American Journal of Philology. 56. 1935. p. 347-350.
20. Petit P. Les fonctionnaires dans l'œuvre de Libanius: analyse prosopographique. Préface de André Chastagnol et de Jean Martin / Annales littéraires de l'Université de Besançon, 541. Besançon: Université de Franche-Comté, 1994. 286 p.
21. Petit P. Libanius et la vie municipale à Antioche au IVe siècle après J.-C. Paris: Geuthner 1955. 446 p.
22. Petit P. Les étudiants de Libanius. Un professeur de Faculté et ses élèves au Bas Empire. Paris: CNRS, 1957. 206 p.
23. Stern M. Greek and Latin Authors on Jews and Judaism. Vol. 2. From Tacitus to Simplicius. Jérusalem: Israel Academy of Sciences and Humanities, 1980. XVII+690 p.
24. Whittow M. Ruling the Late Roman and Early Byzantine city: a continuous history. Past and Present. 129. 1990. p. 3-29.